

Другая жизнь

Русский курьер. — 2004. — 16 июля. — с. 18-19

Евгений ДАНИЛОВ

Беседа с известным кинорежиссером проходила в одном из московских кафе, расположенном буквально в двух шагах от Белого дома, в трогательной близости, так сказать, от самого средоточия исполнительной власти. Разговор вышел несколько сумбурным, но эмоциональным, поскольку затрагивал узловые и в чем-то даже болезненные обстоятельства биографии и судьбы Ивана Владимировича.

О Высоцком и Театре на Таганке

— Иван, вы для меня ассоциируетесь не с вашими фильмами, а с человеком с гитарой из времен моей студенческой молодости, когда я пару раз попадал на сборные вечера актеров Театра на Таганке. Помню, как замечательно вы пели песню «Коломьяги» на прекрасные стихи поэта Марка Тарловского, посвященные Пушкину. Это на вас Высоцкий повлиял?

— Я с ним познакомился благодаря тому, что он услышал мои песни. Он не был большим поклонником чужих авторских песен, но ко мне почему-то проникся симпатией. Возможно, потому, что я писал на чужие стихи. Впоследствии возникла человеческая дружба. Мы с ним вдвоем много выступали, что было несколько странно, ибо ему никто не был нужен. А ему хотелось, чтобы мы работали вместе, как-то друг друга дополняли.

— Вы после театрального института, в 23 года пришли в театр...

— До этого я года полтора поработал у Райкина. Мой путь с самого начала был непростой, я долго ничего не играл. Потому что я сперва отказался от приглашения Юрия Любимова, а ушел к Аркадию Райкину. И отношение поначалу было соответственное.

— Ваш отец, Владимир Дыховичный, был известным драматургом, пьесы которого одно время ставились прежним Театром на Таганке, еще в долюбимовские времена.

— Его пьесы «Свадебное путешествие», «Факир на час» были очень популярны. Последняя пьеса шла в 600 театрах, в том числе с огромным успехом и в Театре на Таганке. Это были почти водевили, очень живые и смешные. И вся страна их ставила. Его скетчи исполняли и Райкин, и Миронова, и Менакер. Все тогдашние звезды советского юмора.

— Отец как-то помог в начале вашего творческого пути?

— Его фамилия только мешала. Он вообще-то умер в 1963 году, а я в театр пришел спустя 8 лет после этого.

— Ведущие роли получили быстро?

— Сначала никаких ролей у меня вообще не было. Хотя о моих успехах в институте Любимов прекрасно знал. С полгода я играл в массовке. А потом заболел один артист, мне велели за две минуты войти в роль, я вошел и имел успех. Позже, уже перед уходом, я играл почти все главные роли.

— В 1971 году Высоцкий был уже звездой. Но настоящих друзей среди коллег у него было немного. Золотухин, до ссоры 1980 года, Бортник, Хмельницкий и вы. Разница в возрасте не мешала?

— Мы с Володей были очень

«Я никогда ни о чем»

близкими людьми. Сейчас все пишут книжки о своей великой дружбе с Владимиром Семеновичем чуть ли не с детских лет. Бортник был его близкий приятель в последней фазе жизни. А я в последние годы жизни Володи с ним поссорился и общался мало. Это было связано с его пристрастием к определенным вещам. Когда вы дружите со знаменитым и популярным человеком, то вы легко можете превратиться в шестерку. Могу сказать, что это не моя участь. Надо сказать, что многие близкие люди, которые подживали около него, они его и ненавидели больше всего на свете. Льстили, лебезили, но и остро при этом ненавидели.

— Вы ушли из театра еще до смерти Высоцкого?

— Да, но еще позже я на договоре играл в «Мастере и Маргарите», «Пушкине» и «Вишневом саде». Просто подрабатывал, учась на сценарных курсах в мастерской Эльдара Рязанова.

— Раскол и дальнейшая гибель театра вас как-то зацепили? На чьей вы были стороне?

— Знаете, я не возвращаюсь к былым возлюбленным. Не возвращаюсь в прошлую жизнь. Я не хочу портить свои воспоминания. Попытки реанимировать прошлое бессмысленны, как правило. Ностальгические сидения по кухням по сути фальшивы. Театр стал другим. Я из него ушел по собственной воле, когда он был на взлете, получив огромное количество радости и умения. Но возвращаться в него я не хотел. И не хо-

тел участвовать во всех этих запутанных конфликтах.

Одно знаю, что этот Театр создал Любимов. Это его театр. Остальное можно обсуждать всю оставшуюся жизнь. Любимов часто в жизни бывал не прав. Я очень люблю Давида Боровского, который, безусловно, соавтор Любимова. Он тоже ушел из театра, при всем своем уважении к Любимову. Я никого не сужу, просто так получилось. Для меня период Театра

был очень важен. Хотя на улицах меня никто не узнавал. В этот театр ходила особая публика, уж поверьте, возможно, самые разумные люди в этой стране. В этом зале сидел цвет нации. И этой публике надо было соответствовать.

— Скоро четверть века со дня смерти Высоцкого. Многие написали воспоминания, исполняют его песни. Новый аккомпанемент подкладывает под голос. Вам это нравится?

— Я ничего не написал. И на это есть свои соображения. Это моя жизнь, моя дружба, мои личные отношения. К тому же если говорить, то надо говорить всю правду. А на суд каких-то ханжей я некоторые вещи выносить не хочу. Есть достойные мемуары, первый сборник воспоминаний Валеры Перевозчикова, он пока что лучшим и остался. Мне так кажется. А что касается чужого исполнения, я вообще никому не посо-

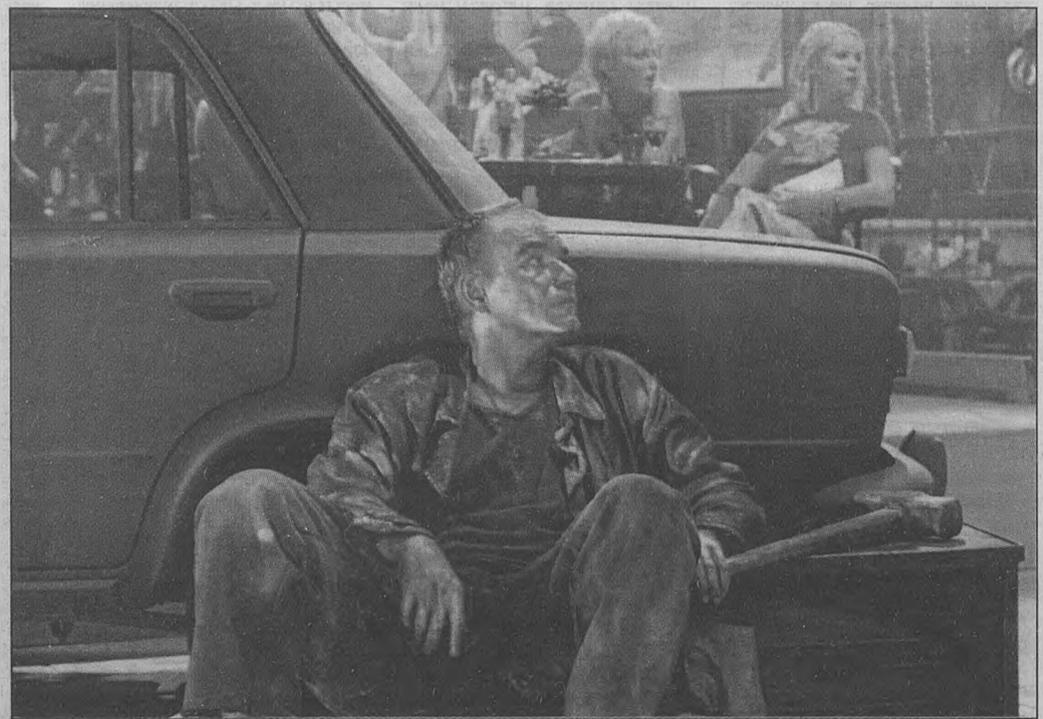
товал бы этим заниматься. Просто я не люблю прототипы и не люблю подделки.

Хотя Володе Высоцкому ничего плохого сделать нельзя. Бога обидеть нельзя. Володя не Бог, конечно. Есть люди, которые любят петь песни «Битлз». Ну и пусть себе поют. От этого «Битлз» ни лучше, ни хуже не станет.

— Иван, а как на вас повлиял Высоцкий?

— Для меня Володя был вели-

«Копейку» не пустили в кинотеатры, не показали по телевизору из-за нескольких матерных слов. Это Сорокин, это Шнур. Я эти шесть слов закрыл пи-пи и один раз ее показал ТВС накануне своего закрытия, и больше ни один канал ее не покупает. Видимо, там есть что-то другое, что раздражает и мешает ее поставить в эфир (на фото Сергей Мазев в фильме «Копейка»).

16.07.04

Дыховичный Иван

102/125